

13. Снапкоўскі, У. Е. Беларусь у геапалітыцы і дыпламатыі вялікіх дзяржаў перыяду другой сусветнай вайны / У. Е. Снапкоўскі // Европа во Второй мировой войне: история, уроки, современность : материалы международной научно-теоретической конференции. Витебск, 5–6 мая 2005 г. – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2005. – С. 8–11.

14. Костюк, М. П. Беларусь в международном военно-политическом кризисе / М. П. Костюк // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР : материалы Международной конференции. Москва, 1–4 февраля 2005 г. / под ред. Н. И. Егорова [и др.]. – М., 2006. – С. 299–327.

15. Мигун, Д. А. К вопросу о воссоединении Западной Беларуси и БССР в 1939 году / Д. А. Мигун // Беларуская думка. – 2009. – № 9. – С. 28–32.

16. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Бригадзін. – Мінск: БДУ, 2003. – 308 с.

17. Бабков, А. М. Преемственность германских планов и политики в отношении Беларуси в период мировых войн / А. М. Бабков // Гомельщина в 1941 году : материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны. – Гомель: Изд. ГГУ им. Ф. Скорины, 2006. – С. 54–63.

УДК 94:343.254-054.73(=162.1)(476-15)(477-15)"1940-1941"

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ПОЛЬСКИЕ БЕЖЕНЦЫ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БССР И УССР В УСЛОВИЯХ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ: ФОРМЫ ПРОТЕСТА (ИЮЛЬ 1940 – ИЮНЬ 1941 ГОДА)

В статье исследуются формы протеста спецпереселенцев-беженцев из западных областей Украины и Беларуси (июль 1940 – июнь 1941 гг.). Автор приходит к выводу, что обеспечение спецпереселенцев-беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными. Это породило среди них различные формы протеста. Наиболее распространёнными были жалобы в высшие инстанции, отказ от работы. Менее распространены были побеги, массовые выступления.

1 сентября 1939 г. началось вторжение войск нацистской Германии в Польшу. Одновременно с этим тысячи беженцев двинулись из центральных и западных районов Польши на восток страны. 17 сентября 1939 г. началась военная операция Красной Армии. В этой связи большинство польских беженцев оказалась на территории, которая в дальнейшем отошла СССР.

Беженцы, прибывшие на территорию Западной Украины и Беларуси из оккупированной Германией Польши, попали в разработку органов НКВД УССР и БССР. Среди них начали вербоваться осведомители, контролировалась переписка, фиксировались антисоветские высказывания. Первые аресты в этой среде начали производиться ещё в ноябре 1939 г. Одной из форм репрессивной политики в отношении беженцев стала депортация части из них вглубь СССР. Она была направлена против лиц, отказавшихся принять советское гражданство и записавшихся на выезд в Германию.

В результате проведённой в июне 1940 г. операции по выселению беженцев, из западных областей Украины и Беларуси было депортировано порядка 76–78 тыс. человек. Большинство из них были размещены в спецпоселениях, остальные – в исправительно-

трудовых лагерях НКВД [1, с. 242]. Спецпереселенцы-беженцы поступили в ведение Отдела трудовых поселений (ОТП) ГУЛАГа НКВД, переименованного в феврале 1941 г. в Отдел трудовых и специальных поселений (ОТСП). Подавляющее большинство из них для трудового использования были переданы в ведение предприятиям Наркомлеса, Наркомцветмета, ЦОЛеса и лесным лагерям НКВД.

Как сообщалось в докладной записке начальника ОТП-ОТСП ГУЛАГ М. В. Конрадова на имя Л. П. Берия, их этапирование проходило в тяжёлых условиях. Наибольшее количество беженцев было расселено в Новосибирской области – более 16 тыс. человек, затем шла Свердловская область – более 13 тыс., Архангельская – более 12 тыс., Коми АССР, Марийская АССР, Алтайский край, Вологодская область и др. В общей сложности они были расселены в 14 автономных республиках, краях и областях СССР.

По прибытию беженцев принимающие организации должны были подготовить для них жильё. Строительство новых спецпосёлков не планировалось. Однако, как свидетельствуют многочисленные источники, в частности, материалы с мест расселения, докладные по итогам проверок и т. д., местные власти в большинстве своём оказались неподготовленными к приёму и размещению беженцев [2, л. 29–30].

Основная масса спецпосёлков, находившихся в ведении Наркомлеса, располагалась в лесных зонах, вдалеке от населённых пунктов, инфраструктуры, необходимой для длительного проживания, источников питьевой воды. Во время распутицы добраться до них было очень сложно. Жилища, где размещались спецпереселенцы-беженцы, как правило, представляли собой помещения, мало приспособленные для жилья [3, л. 9; 4, л. 41]. Так, в Архангельской области часть бараков не имела перегородок, люди ложились спать вповалку, на голых досках без одеял и простынь.

Согласно положению «О спецпереселенцах и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР», каждой семье спецпереселенцев должна была предоставляться отдельная комната или отдельное место в бараке, из расчёта не менее 3 кв. м. на человека. На таких же условиях должны были расселяться и беженцы. Однако на практике эти нормы не выдерживались. В докладной местных органов НКВД «О состоянии спецпосёлков Архангельской области» приведена таблица, в которой отражены размеры жилплощади на каждого спецпереселенца по районам области. Анализируя эти данные, следует сделать вывод, что средний размер жилплощади колебался в пределах от 1,7 до 2,2 кв. м. на человека. Более того, нередко были случаи, когда на одного спецпереселенца приходилось по 1–1, 2 м. кв. и даже меньше [4, л. 149–150].

Скученность в помещениях усугублялась антисанитарным состоянием посёлков. В спецпосёлках не хватало прачечных, бань, мыла. На всю Архангельскую область, например, насчитывалось всего 179 бань, последние топились «по-чёрному», их пропускная способность составляла 15–20 человек в день [4, л. 174].

Антисанитария, скученность в местах проживания вызывали инфекционные заболевания среди спецпереселенцев. Так, в течение августа – сентября 1940 г. в спецпосёлках трестов Краслес, Севполярлес от тифа, дизентерии и т. д. умерло 289 спецпереселенцев [3, л. 12].

Неудовлетворительным также обстояло дело с обеспечением прибывших товарами первой необходимости [4, л. 175]. У некоторых детей на почве недоедания развивалась куриная слепота. В Вологодской области по причине крайнего истощения дети не могли посещать уроки физкультуры. У взрослых из-за недостатка в рационе овощей и фруктов часто отмечались заболевания цингой.

Указанные выше факты в значительной степени являлись причиной высокой смертности среди спецпереселенцев-беженцев. Согласно официальным данным ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР среди этой категории депортированных со времени расселения до 1 июля 1941 г. умерли 1855 человек или 2,4 % от общего количества прибывших.

В разного рода докладных о состоянии спецпосёлков отражались настроения спецпереселенцев. Эти данные фиксировались в специальном разделе «Политико-моральное состояние». Жилищно-бытовые проблемы, сложности с обеспечением продуктами питания, промышленными товарами, тяжёлая физическая работа, грубость со стороны руководства поселений и др. вызывали у спецпереселенцев-беженцев самый разнообразный спектр чувств. Это ощущение безысходности, желание возвратиться на прежнее место жительства в западные области БССР и даже антисоветские настроения. Уместно привести характерные примеры. В спецпосёлке «Южный» Архангельской области один из спецпереселенцев-беженцев заявил: «Зачем нас сюда везли, лучше бы поубивали на месте, чем мучиться». В Чердынском районе Коми АССР отдельные беженцы говорили: «Жить мы здесь не будем и если бы знали, что нам здесь жить долго, то лучше утопиться в реке [5, л. 53].

Формы протеста депортированных беженцев были различными. Наиболее распространёнными были различного рода жалобы по поводу плохих условий существования, которые они направляли не только руководству на местах, но даже в ЦК ВКП(б). Это можно проиллюстрировать на примере коллективной жалобы 152 беженцев, размещённых в Елецком районе Архангельской области, адресованной на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова. Здесь беженцы пишут о невыносимых условиях труда и быта, о грубости по отношению к ним со стороны администрации спецпосёлка и др. В материалах местных органов НКВД регулярно отмечаются многочисленные факты «написания беженцами коллективных телеграмм и писем с жалобами» [6, л. 34–35]. О массовости этого явления свидетельствуют данные российского исследователя М. Б. Рогачёва. Он изучил личные дела спецпереселенцев, в том числе и беженцев, размещённых в Коми АССР. Исследователь отмечает, что значительная часть личных дел содержит копии такого рода обращений [7, с. 136].

Весьма распространённым среди беженцев было такое явление, как уклонение от тяжёлой физической работы. Они прекрасно понимали, что уклониться, ради экономии сил, от работы на лесозаготовках гораздо важнее, чем больше заработать. А. Э. Гурьянов проанализировал характерные правонарушения среди спецпереселенцев, содержащихся в Архангельской области. Автор приходит к выводу, что наибольшее количество осуждённых составили лица, обвиняемые за прогулы и отказ от работы [8, с. 751]. Чтобы уклониться от физической работы, беженцы использовали различные средства: симулировали нетрудоспособность, те из них, кому удалось привезти с собой ценности и деньги, пытались даже подкупить руководство лесозаготовок.

Менее распространены среди беженцев были побег. По данным спецсводок ОТП-ОТСП Архангельской области с июля 1940 г. по 30 июня 1941 г. из спецпосёлков бежали 147 спецпереселенцев-беженцев [9, л. 152]. Причём основная масса из них (104 человека) совершили побег в течение первых трёх месяцев. В дальнейшем их число значительно сократилось. С октября 1940 г. по 30 июня 1941 г. бежало всего только 43 беженца. Это было связано, во-первых, с усилением контроля со стороны администрации посёлков, органов НКВД. Во-вторых, очевидно, беженцы стали осознавать, что вероятность добраться до родных мест является незначительной. Кроме того, многие беженцы не решались на побег из-за наличия у них малолетних детей, семьи. Большинство беглецов, как правило, задерживалось. Отдельные из них возвращались обратно в свои спецпосёлки и подвергались аресту до 5 суток. Основная же масса обычно была осуждена ОСО при НКВД СССР на три, пять лет лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях [8, с. 752]. Для предотвращения побегов районные отделения НКВД организовывали на железнодорожных станциях и речных пристанях круглосуточное дежурство, до минимума сокращалась выдача разрешений спецпереселенцам на временное оставление посёлков, в бараках и производственных бригадах вербовалась агентура по выявлению лиц, склонных к побегам.

Крайней формой протеста депортированных беженцев являлись массовые выступления. Нами был установлен только один подобного рода инцидент (в Томасинлаге Новосибирской области), в котором приняли участие беженцы из западных областей

Беларуси. Поводом к выступлению послужили тяжёлые материально-бытовые условия для спецпереселенцев. Органы НКВД сообщали по этому поводу следующее: «В течение 4-х дней (14, 15, 16, 17 августа) волнения не прекращались, принимая массовый характер. Беженцы направлялись из одного посёлка в другой, поднимали шум, посылая гонцов в другие посёлки с целью присоединиться к недовольным. Толпу в 400 человек убедили вернуться в спецпосёлок. Беженцы требуют возвращения к местам выселения или направления в другие промышленные города. Принятыми мерами удалось волнения локализовать» [10, с. 304].

В госархиве Минской области нами был обнаружен документ, в котором содержатся сведения о волнении среди спецпереселенцев – беженцев Новосибирской области. Это докладная записка органов НКВД по Минской области первому секретарю Минского обкома КП(б)Б Матвееву. В документе, датированном 4 января 1941 г., кроме всего прочего, приводится рассказ жителя деревни Нивки Бегомльского района Новицкого. В числе других жителей деревни он был переселен в Новосибирскую область, но возвратился назад. «Загнали нас в такие места, откуда и местные жители и те удрали... Работать заставляли целыми сутками, так что люди падали на работе... В одно место рядом с нами нагнали было одних евреев из Западной Белоруссии, они увидели, что жизнь такая, взяли белый флаг, написали лозунг, вышли и стали кричать: «Давай Гитлера». После этого из Новосибирска и Томска прилетели самолёты и все там разбили, а некоторых живых погнали» [11, л. 14]. Можно полагать, что речь здесь идёт о волнениях в Томасинлаге.

Таким образом можно сделать следующий вывод. Обеспечение спецпереселенцев-беженцев в местах их расселения продовольственными, промышленными товарами, жильём, медицинское обслуживание были неудовлетворительными. Это порождало среди них различные формы протеста. Наиболее распространёнными были жалобы в высшие инстанции, отказ от работы. Менее распространены были побег, массовые выступления.

Источники и литература

1. Толочко, Д. М. Проблема депортации польских беженцев из западных областей БССР (март – июль 1940 г.) / Д.М. Толочко // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеяння і ўзаемаўплывы : матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі, Гомель, 28–29 верасня 2006 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: Р. Р. Лазыко (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГГУ ім. Ф. Скарыны, 2006. – С. 237–243.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 61.
3. Там же. – Д. 73.
4. Там же – Д. 77.
5. Там же – Д. 60.
6. Там же. – Д. 66.
7. Рогачёв, М. Б. Депортированные польские граждане в Коми АССР в 1940–1944 годах: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02 / М. Б. Рогачёв. – Сыктывкар, 2005. – 204 л.
8. Indeks represjonowanych. – Т. XIV. – Cz. 2: Deportowani w obwodzie archangielskim; red. E. Rybarska, A. Gurjanow – Warszawa: Ośrodek KARTA, 2004. – 781 s.
9. ГАРФ. – Ф. 9479-с. – Оп. 1. – Д. 56.
10. История сталинского Гулага, конец 1920-х – первая половина 1950-х годов = The history of Stalin's Gulag, later 1920-s – early 1950-s : собр. Документов : в 7 т. / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации и др. – М.: РОССПЭН. – Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / редкол.: Т.В. Царевская-Дякина (отв. ред.) [и др.]. – 2004. – 824 с.
11. Государственный архив Минской области. – Ф. 1. – Оп. 1а. – Д. 187.